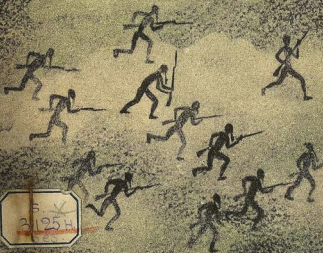

И. ЗАБОЛОЦКИЙ

РЕЗИНОВЫЕ ГОЛОВЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВТОРОЕ 1930 ИЗДАНИЕ

РЕЗИНОВЫЕ ГОЛОВЫ

РИСУНКИ Н. ПОЛОЗОВА

1

Дело было летом. Мы возвращались с рыбалки — Колька Миронов, Женька и я. У Кольки в руках было маленькое ведро с водой, в воде плескались маленькие окунишки, а на дне ведерка тихо шевелился большой жирный карась.

Только мы вышли на военное поле, вдруг — солдат с ружьем.

— Стой, — говорит, — ребята, обходи дальше, здесь ходить не разрешается.

— Как же так — не разрешается? — говорю я, — да мы тут каждый день ходим.

— Ну, а сегодня нельзя, — говорит солдат, — сегодня здесь занятия, обходи дальше.

— Чтоб ты треснул, — говорит Женька, — тут обходить-то версты за две надо — по горке.

— Обходи, обходи, — говорит солдат и на нас не смотрит.

Пошли мы на горку. Прошли с полверсты, видим — народ стоит и вниз смотрит. Мы сейчас же побежали и вперед протиснуться стараемся. А народу густо стоит, вперед не пус-

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕНТЫ
ДЕТГИСА

кают. Только Женька юркнул направо, а его какой-то дядя — цап за шиворот!

— Стой, — кричит, — ты мне все глаза своим удилицем выколол, пошел вон отсюда!

— Ишь ты деловой какой, — говорит Женька, — тебе можно смотреть, а нам нельзя?

А сам вперед лезет. Мы — за ним.

Смотрим — внизу под горкой солдаты бегут. И все с ружьями. У каждого через плечо железная коробка болтается. Один солдат перебежит шагов двадцать, ляжет и как будто стреляет. За ним — другой бежит и рядом ложится. За вторым — третий. Так перебегут все по очереди, и опять первый с места снимается.

А рядом со мной стоял тот самый очкастый, который у Колькиного отца на даче жил.

— Дяденька, — говорю я, — куда это солдаты побежали?

— Это у них ученье, — говорит очкастый, — они на врага наступают.

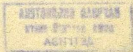
— А враги где же?

— Враги за рощей. Их не видать. Вот будут они газы пускать, тогда ты их услышишь.

— Какие-такие газы? — спрашиваю я.

— Такие уж газы есть, ядовитые. Кто в них попадет, тот и задохнется — дышать нечем. Их на войне пускают.

— Так это же на войне, — говорю я, — а здесь убивать людей не разрешается.

675469 кх ред.

Российская государственная
детская библиотека

— Здесь и не убивают. У красноармейцев противогазы есть, они ото всех газов защищают.

В это время одна дачница посмотрела в биноклик.

— Ах, ах, — говорит, — сейчас ядовитые газы пускать будут.

А в роце — бух, бух! — вылетало на воздух желтое облачко.

Сначала оно остановилось в воздухе, потом опустилось к земле, расплылось и медленно поползло в нашу сторону.

Внизу сейчас же крик раздался. Красноармейцы остановились, фуражки долой и что-то на голову натягивают. А мне уж плохо видно — далеко отбежали солдаты.

Выпросил я биноклик у дачницы, посмотрел в него, и все солдаты почти к моему носу придвинулись. Да только солдаты ли это? И штаны такие же, и сапоги, и шинель, и ружье есть, — а вместо головы какой-то белый шар болтается. Волос на нем никаких нет, череп голый, блестящий, резиновый. Вместо глаз — стеклянные кругляшки сверкают, а под носом — железная коробка болтается во все стороны.

Посмотрели в биноклик Женька с Колькой и за бока схватились.

— Вот тебе на, — говорит Колька, — ряженные приехали!

— Никакие не ряженные, — говорит очка-

стый, — это они противогазы надели, маски такие. В маску ядовитый воздух только через железную коробку пройти может, а в коробке уголь насыпан. Этот уголь очищает воздух, чтобы солдаты им не отравились.

— Ну это уж дудки, — говорит Колька, — углем у нас дома самовары ставят; ядовитый воздух углем очищать не полагается.

— Что ж, я тебе врать буду, что ли? — говорит очкастый, — если, скажем, зимой положить уголь между рамами, то стекла в окне не запотеют. Отчего это? Оттого, что уголь всю сырость в себя впитывает. Вот и в противогазе он всасывает в себя весь яд, этим он и человека спасает.

А дачница опять забеспокоилась.

— Ах, ах, — говорит, — а если лопнут ихние маски?

— Никак этого быть не может, — говорит очкастый, — за этим военные командиры присматривают.

А желтое облачко все ближе и ближе к солдатам продвигается. Уж поредело оно, почти с воздухом слилось, а все-таки еще заметно. А солдаты, — чудаки какие, прямо на него бегут, только коробки под носом болтаются. Пробежали солдаты через облако и в роще скрылись.

— Видите, ребята, — говорит очкастый, — солдатам-то никакого вреда нету. Вот что зна-

чит противогаз! Не будь его — все бы задохнулись в два счета.

Пошли мы домой.

— А все-таки заливает очкастый, — говорит Колька Миронов.

— Что заливает?

— А что простой уголь человека спасает.

— А ты откуда знаешь?

— Так уж знаю.

— Ничего ты не знаешь, — говорит Женька, — очкастый правильно говорит, — он ученый.

А Колька ему язык показывает.

— Заливает, — говорит, — и все тут.

— Ладно, — говорит Женька, — ты поговори еще, так я тебе так залью, что своих не узнаешь.

А Колька ему язык показывает.

Тут уж Женька не стерпел, схватил Кольку за грудь и спрашивает:

— Говори, заливает очкастый или не заливает?

— А заливает, — говорит Колька.

Размахнулся Женька, хотел Кольку ударить, а Колька со страху и ведро из рук выпустил. Плешнулось ведро на траву, и пошла наша рыба по траве скакать! Бросились мы за ней.

— Держи моего окуня! — кричит Женька.

— Наплевать на окуня, карася лови! — визжит Колька.

А карась подпрыгнул в траве и бултых в канаву! Только его и видели.

2

С тех пор у нас только и разговоров было, что про ядовитые газы. Мы с Женькой даже игру такую придумали. Уйдем, бывало, на луга, при-тащим сучьев, щепок разных и костер разведем. Когда огонь разгорится, наломаем мы сосновых веток и подбросим в костер. Сырая хвоя сразу не загорается, она долго тлеет, трещит, и от костра поднимается целый столб дыма.

Лежим, бывало, мы в овражке и ждем — когда дым в нашу сторону пойдет. В руках у нас самодельные ружья, а через плечо — на веревочке противогазы привешены. Противогазы мы тоже сами сделали. Маску мы спили из материи, для глаз — вырезали дырочки, а к носу подвесили пустую консервную коробку. Вот и весь противогаз.

Только пахнёт дымом в нашу сторону — «Газы», — кричит Женька. Раз! Два! Противогаз на голову, ружье — на-перевес.

— Вперед! — кричит Женька, — ура!

Вскочим мы и несемся со всех ног на костер. Тут уж и начинается расправа. Разбрасаем костер во все стороны, хвою ногами перетопчем, словно и на самом деле на врага напали.

Колька Миронов все подсмеивался над нами и в противогазы не верил. У него уж характер такой: пока сам чего не попробует — ни за что другому не поверит. Ну, не верит — не надо, — решили мы с Женькой, — кому какая беда от этого? Но вышло так, что и Колька скоро поверил в резиновые противогазы.

Случилось это зимой, когда мы в Ленинград переехали. У Кольки отец в трамвайном парке работал. Повел нас Колька к себе на новую квартиру. Пришли мы, а там — гости сидят и чай пьют. А гости — два командира военные. Колькиного отца племянники. Посадили и нас за стол, а в это время в шкафу что-то щелкнуло и зашумело.

— Эге, — говорит Колькин отец, — крыса!

Бросились мы в шкаф, а там — клетка стоит, и в клетке — здоровенная рыжая крыса скачет.

— Попалась-таки, негодная, — говорит Колькин отец, — тащите, ребята, кошку скорее.

— Стойте, Иван Иванович, — говорит военный командир, — подарите мне эту рыжую крысу, она мне для работы пригодится.

— Вот чудак, — говорит Иван Иванович, — что ты на ней пулеметы возить будешь, что ли?

Крысу, однако, он отдал. Командир завязал клетку в носовой платок и надел фуражку. Но тут Колька к нему пристал — интересно

Кольке — зачем командиру рыжая крыса понадобилась?

— Мы эту крысу ядовитым газом отравим, — говорит командир, — когда она отравится и сдохнет — все красноармейцы поймут, какой это газ ядовитый.

Мы с Женькой переглянулись и решили во что бы то ни стало посмотреть, как крысу окуривать будут. Долго не соглашался командир взять нас с собой в казарму, но Женька так привязался к нему, что командир, наконец, согласился. Он написал на бумажке свой адрес и ушел, захватив с собой крысиную клетку.

Собрались мы на другой день.

— Ехать или не ехать? — спрашивает Колька.

— Я поеду, — говорит Женька, — мне страсть как интересно.

— Я тоже поеду, — говорю я.

— А я не поеду, — говорит Колька, — еще задушит командир своими газами, а мне не больно умирать-то охота.

— Дурак же ты, — говорю я, — тебе хоть кол на голове теши, — ты все одно поешь. Поедем — хоть посмотришь, как других окуривать будут.

На это Колька согласился. Сели мы на девятый номер и поехали.

Приезжаем в казарму. Видим — часовой стоит с ружьем. Мы спросили — где у них

окуривают, и часовой показал нам дорогу. Приходим мы, видим — стоит толпа красноармейцев и все противогазы меряют. А вон и сам командир стоит. Увидал он нас и к себе подозвал.

Дали нам по противогазу — всем одинаковые, новенькие. На вид противогаз очень простой. Жестяная продолговатая коробка, покрашенная в зеленую краску. К коробке привязан шнурок — чтобы можно было носить противогаз на себе. Для того, чтобы надеть маску, — нужно повесить противогаз на грудь и открыть крышку. Крышка не отваливается, — она передвигается по шнурку, поэтому ее можно легко перебросить на спину. После этого нужно хорошенько расправить маску и открыть пробку в нижней дырочке коробки. Когда пробка открыта, нужно поднести противогаз к губам и сильно дунуть в верхнее отверстие. Делается это вот для чего: в коробке лежит уголь, который при движении понемножку осыпается черной угольной пылью. Когда коробку продуваешь — эта пыль вылетает через нижнюю дырочку. Если же противогаз не продуть, — пыль вместе с воздухом попадет в маску и запачкает лицо. Снимешь маску, помотришься в зеркало, — черный как трубочист!

Стали мы учиться маски надевать. Открыли пробки, продули пыль, и, наконец дело дошло до самой маски. Натянули маски на себя. Сразу всю голову резиной обтянуло и дышать стало

немножко потруднее. К этому все-таки мы привыкли, да вот беда — как только оденешь маску, сразу очки запотеют и ничего не видно.

— Товарищ командир, — кричу я, — не видно ничего!

А командир взял мою руку и поднес к маске. А на маске около глаз — носик сделан резиновый, в роде пальца на перчатке. Засунешь в него палец, протрешь стекла — и все опять видно станет.

Сняли мы маски, глядим, — Колька и не надевал совсем.

— Что ж это ты, — говорит Женька, — струсил?

Колька показал ему кулак и давай маску натягивать. Натянул Колька маску, да как забьется, заверещит и давай маску срывать обеими руками.

— Что с тобой? — кричим мы, — одурел ты совсем, что ли?

А Колька сдернул маску, дикими такими глазами смотрит.

— Ды-шать, — говорит, — не-чем. . .

Обступили нас красноармейцы, посмотрели Колькин противогаз и говорят:

— Конечно — нечем. Он в банке из нижней дырочки пробку не вытащил — оттого и дышать нечем. Воздух не проходит.

Посмеялись мы над Колькой, открыли пробку и противогаз на голову снова надели. Стоит

Колька в противогазе, молчит. Видит, что сам был виноват и что дышать в маске на самом деле можно.

Тут командир скомандовал: «приготовиться». и повел нас куда-то. Пришли мы в маленький каменный домик. Смотрим — на потолке электрическая лампочка светится, а в стенах нет ни одного окошка.

— Вот, товарищи, — говорит командир, — это помещение называется «камера окуривания». Она со всех сторон так плотно закрывается, что газы отсюда никак не могут выйти на открытый воздух.

И верно — как только мы вошли — сразу закрыли за нами широкую дверь и сзади ее кошмой занавесили.

— Сейчас, — говорит командир, — в камере еще нет никаких газов, оттого мы с вами и без масок хорошо дышать можем. Ядовитый газ пустят попозже. Посмотрите, вон в этой стене есть маленькое окошечко. За этим окошечком, в другой комнате — готовят газ. Сейчас мы наденем маски, и я скомандую, чтобы нас начали окуривать. Только вы, смотрите, дышите спокойнее и масок с себя ничуть не срывайте.

Мы посмотрели на окошечко, а командир скомандовал:

— Надеть маски!

Мы сейчас же надели маски, и командир проверил — хорошо ли они на нас сидят.

— Давайте газ! — крикнул опять командир.

Окошечко открылось, и желтоватые волны газа стали медленно вкатываться в нашу комнату. Сначала они плыли под потолком, но потом поредели, смешались с воздухом и разошлись по всей комнате.

Сердце у меня громко забилося. А что, если и противогаз не поможет? Однако, вижу — все стоит спокойно, и я тоже никакой перемены не чувствую.

— Женька, — кричу я, — хорошо тебе дышать?

— Хорошо, — кричит Женька, — а тебе?

— Мне тоже хорошо. Вот они противогазы-то какие!

В это время командир вытащил вчерашнюю клетку с крысой.

— Смотрите, ребята, — говорит командир, — сейчас крыса уже ядовитым воздухом дышит и уже начинает задыхаться.

Посмотрели мы в клетку, а крыса, на самом деле, бегаёт взад и вперед, — беспокойная такая. Металась она — металась по клетке, потом вдруг свалилась на бок, подрыгла лапками и замерла.

Тут двери в камеру растворились, мы вышли на свежий воздух и сняли маски.

— Ну что, — спрашивает Женька у Кольки Миронова, — заливал тогда очкастый насчет противогазов или не заливал?

— Нет, — говорит Колька, — правду говорю.

А сам в землю смотрит.

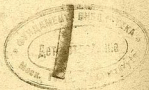
Попрощались мы с командиром и домой пошли.

Только мы вышли на улицу, а Женька как схватится за свои медные пуговицы, как закричит:

— Ребята что это? Смотрите!

Посмотрели мы на пуговицы, а они совсем черные стали. Вытащил я свой перочинный ножик — хотел пуговицу поковырять — батюшки, — и ножик весь черный!

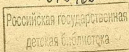
«Вот так ядовитые газы!» — подумали мы и пошли по своим домам.

Типография „Печатный Двор“, Ленинград, Гатчинская, 26.

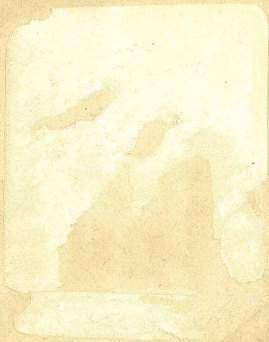
Д, 22 Гиз № 33321/Л. Ленинградский Областник № 37061 2/8 л. Тираж 35,000

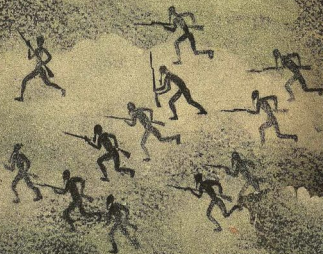
675469

184787

Apr. 1888

10 KOD